

Чак Паланик

УЦЕЛЕВШИЙ

Для Майка Кифи и Майка Смита

Для Шона Гранта, и Хэйди Уиден, и Мэтта Паланика

Агент в этой книге – это не Эдвард Хибберт, который представляет меня со всем своим юмором, энергией и опытом.

Никто в этой книге не умен так, как мой редактор Джерри Ховард.

Нет на свете более упорного и заботливого человека, чем Луис Розенталь.

Эта книжка не появилась бы без помощи клуба "Ночные писатели", собирающегося у Сьюзи по вторникам.

Ну что, поехали?

47

Проверка, проверка. Раз, два, три.

Проверка, проверка. Раз, два, три.

Возможно, эта штука работает. Я не знаю. Слышите ли вы меня, я не знаю.

Но если вы слышите меня – слушайте. И если вы прослушаете эту запись, то узнаете историю о том, как все пошло неправильно. Перед вами бортовой самописец рейса 2039. Черный ящик. Его так называют, несмотря на то, что он оранжевый. Внутри – моток проволоки, на которой сделана постоянная запись обо всём, что осталось позади. Вы обнаружили рассказ о том, как все произошло.

Продолжайте слушать.

Вы можете нагреть эту проволоку до белого каления, и она все равно поведает вам ту же самую историю.

Проверка, проверка. Раз, два, три.

И если вы слушаете, то наверняка сами уже знаете, что пассажиры вернулись домой невредимыми. Пассажиров я высадил на островах Новые Гебриды. Затем, когда мы снова поднялись в воздух, пилот выпрыгнул с парашютом. Не знаю, куда. Куда-то в воду. То, что вы назвали бы океаном.

Я продолжаю говорить это, и это правда: я не убийца.

Я здесь один, на этой высоте.

Летучий Голландец.

И если вы слушаете это, вы должны знать, что я один на борту Рейса 2039, и у меня тут куча маленьких, детского размера, бутылочек – в основном, с поддельной водкой и джином, расставленных напротив кресел пилотов, на приборных панелях. Еще в салоне есть маленькие подноски с

недоеденными цыплятами по-киевски и с беф-строгановом, но из-за кондиционера их запах не чувствуется. Журналы, которые все еще открыты на тех страницах, которые читали пассажиры. Все кресла пусты, так что можно подумать, что все просто вышли в туалет. Из пластиковых стереонаушников доносятся слабые звуки музыкальных записей.

Здесь, над облаками, в Боинге 747-400 у меня есть две сотни оставленных шоколадных пирожных и музыкальный салон на втором этаже. Я могу подняться туда по винтовой лестнице и смешать себе в баре еще один маленький коктейль.

Не дай Бог я начну утомлять вас всеми этими деталями, но самолет будет лететь на автопилоте до тех пор, пока не закончится топливо. Произойдет вспышка, как сказал пилот. Будут сгорать один двигатель за другим, сказал он. Он просто хотел, чтобы я знал, чего ожидать. Затем он начал грузить меня кучей деталей относительно реактивных двигателей, эффекта Вентури, набора высоты путем увеличения изогнутости крыла при помощи закрылков. Сказал о том, что после сгорания всех четырех двигателей самолет превратится в 140-тонный планер. И когда автопилот установит прямую траекторию движения, планер начнет, как это называли бы пилоты, контролируемый спуск.

Такой спуск – хоть какая-то перемена в моей жизни, сказал я пилоту. Вы просто представить себе не можете, через что я прошел за последний год.

Пилот был одет в самую обыкновенную униформу непонятного цвета, которая выглядела так, будто ее придумал не дизайнер, а инженер. Несмотря ни на что, он оказался очень полезен. Более полезен, чем можно ожидать от человека, которому приставили пистолет к голове и спрашивают, сколько горючего осталось и на какое расстояние его хватит. Пилот рассказал мне, как вернуть самолет назад на прежнюю высоту после того, как он выпрыгнет с парашютом над океаном. И еще он рассказал мне о бортовом самописце.

Четыре двигателя пронумерованы с первого по четвертый слева направо.

Последним этапом контролируемого спуска будет крутое пикирование в направлении земли. Пилот назвал это **конечной фазой** спуска, когда вы приближаетесь к земле со скоростью 9,8 метра в секунду. Это он назвал

конечной скоростью , то есть объекты с одинаковой массой движутся с одинаковой скоростью. Затем он разжевал все это, добавив массу деталей по поводу законов Ньютона и Пизанской башни.

Он сказал: "Только ты меня не цитируй, а то я уже давно не сдавал тесты".

Он сказал, что АРУ, вспомогательный источник питания будет продолжать вырабатывать электричество до момента, когда самолет упадет на землю.

У тебя будет кондиционированный воздух и стерео-музыка, сказал он, до тех пор, пока ты будешь в состоянии что-то чувствовать.

Последний раз я чувствовал что-то очень-очень давно, сказал я ему. Около года тому назад. Основной задачей для меня было выставить его из самолета, чтобы наконец разрядить пистолет.

Я сжимал этот пистолет так долго, что уже ничего не чувствую.

Когда ты планируешь угон самолета самостоятельно, ты всегда забываешь, что когда-то в пути может захотеться сходить в туалет, и на это время заложники останутся без контроля.

Перед тем, как мы совершили посадку в Порте Вила, я бегал по салону с пистолетом, пытаюсь накормить пассажиров и экипаж. Не желаете ли свежих напитков? Кому дать подушку? Что вы предпочитаете, спрашивал я их, цыпленка или говядину? С кофеином или без?

Бытовое обслуживание – единственная сфера, в которой у меня превосходные навыки. Проблема лишь в том, что заниматься раздачей пищи мне приходилось, естественно, одной рукой, потому что в другой я держал пистолет.

Когда мы совершили посадку, и пассажиры вместе с командой выходили из самолета, я стоял в дверях кабины пилотов и говорил, что мне очень жаль. Извините за доставленные неудобства. Желаю вам безопасного и приятного путешествия, и спасибо, что вы воспользовались услугами компании Бла-Бла-Авиалинии.

Когда в самолете остались только пилот и я, мы снова совершили взлет.

Пилот, перед тем как выпрыгнуть, объяснил мне, что при сгорании двигателя сигнализация сообщит: Согрей Двигатель Номер Один, или три, или еще какой-нибудь, один за одним. Как только не останется двигателей, полет можно будет продолжить только если не давать носу самолета опуститься вниз. Тянешь штурвал на себя. Так регулируются рули высоты в хвосте. Ты теряешь скорость, но сохраняешь высоту. Как будто у тебя есть выбор – скорость или высота; но на самом деле ты все равно уткнешься в землю.

Достаточно, говорю я ему, я не собираюсь получать эту, как ее там, лицензию пилота. Я просто хочу в туалет, и чтобы никому не было до этого дела. Я просто хочу, чтобы он убрался.

Затем мы снизили скорость до 175 узлов. Не хочу утомлять вас деталями, но мы спустились на высоту 3000 метров и открыли наружную дверь. Затем пилот выпрыгнул. И перед тем, как закрыть дверь, я встал в дверном проеме и отлил.

Никогда в жизни я не чувствовал себя так хорошо.

Если Сэр Исаак Ньютон был прав, у пилота не возникло никаких проблем со спуском вниз.

И вот теперь я лечу на запад на автопилоте со скоростью 730 км/ч, с настоящей воздушной скоростью и на нормальной высоте. Солнце висит на одном и том же месте все время. Время остановилось. Я лечу над облаками на крейсерской высоте 12 км над Тихим океаном, лечу навстречу катастрофе, навстречу Австралии, к завершению истории моей жизни, точно на юго-запад, до тех пор, пока не сгорят все двигатели.

Проверка, проверка. Раз, два, три.

Еще раз повторю: вы слушаете запись бортового самописца Рейса 2039.

Да, вот еще что. Пилот сказал, что на этой высоте и при такой скорости, при условии, что самолет пуст, топлива хватит на шесть, может быть, на семь часов.

Поэтому я постараюсь рассказывать быстрее.

Бортовой самописец в кабине пилотов запишет каждое мое слово. И мой рассказ не разлетится на миллионы кровавых кусочков, и не сгорит вместе с сотнями тонн обломков. Когда самолет разобьется, люди отыщут бортовой самописец. И мой рассказ уцелеет.

Проверка, проверка. Раз, два, три.

Как раз перед тем, как пилот выпрыгнул, когда дверь была втянута внутрь, когда военные корабли следили за нами, засекая при помощи радаров, когда двигатели ревели, выбрасывая потоки воздуха, пилот, стоя в дверном проеме, крикнул: "Зачем тебе такая поганая смерть?"

Я крикнул в ответ, чтобы он слушал запись.

"Тогда помни, – крикнул он, – у тебя всего несколько часов. Помни, что ты не знаешь, когда конкретно закончится топливо. Вполне возможно, что ты умрешь, рассказав только половину истории своей жизни".

Я крикнул: Ты мне еще что-нибудь хочешь сказать?

И еще: Скажи мне о чем-нибудь, что я не знаю.

И пилот прыгнул. Я отлил, а затем толкнул дверь на место. В кабине я нажал на тормоз и потянул штурвал так, чтобы набрать нужную высоту. Осталось только нажать кнопку и включить автопилот. Вот что произошло до нынешнего момента.

И если вы слушаете это, запись черного ящика Рейса 2039, вы можете посмотреть, где самолет завершил свое падение и что от него осталось. Вы поймете, что я не пилот, как только увидите воронку, наполненную всем этим дерьмом. Если вы слушаете это, вы знаете, что я мертв.

И у меня всего несколько часов, чтобы рассказать вам мою историю.

Я полагаю, есть шанс, что я расскажу все именно так, как оно было.

Проверка, проверка. Раз, два, три.

Небо синее и чистое во всех направлениях. Солнце всеобъемлющее, обжигающее, и оно прямо передо мной. Мы над облаками, и этот день

навек прекрасен.

Так что давайте начнем с самого начала.

Рейс 2039, здесь записано то, что произошло на самом деле.

И.

Да, кстати, сейчас я чувствую себя потрясающе.

И.

Я уже потерял десять минут.

И.

Действие.

46

При моем образе жизни достаточно трудно обвалить в сухарях телячью отбивную котлету. В другие вечера это может быть что-то другое – рыба или курица. В тот самый момент, когда одна моя рука испачкана сырым яйцом, а в другой я держу мясо, кто-нибудь звонит мне и требует помочь.

Так бывает каждый вечер в моей нынешней жизни.

Сегодня девушка звонит мне из вибрирующего ночного клуба. Единственное слово, которое я могу разобрать, – "позади".

Она говорит: "Жопа".

Она говорит что-то, что могло бы быть словами "не его" или "ничего". Проблема в том, что я не могу начать заполнять бланки, когда я один, на кухне, и кричу, чтобы меня услышали где-то там, сквозь танцевальные ритмы. По голосу, она очень молодая и усталая. Я спрашиваю, доверяет ли она мне. Она устала или страдает? Я спрашиваю: если есть всего один путь, чтобы остановить ее страдания, пойдет ли она по нему?

Моя золотая рыбка взволнованно плавает кругами в аквариуме на холодильнике, поэтому я подхожу к ней и бросаю в воду таблетку Валиума.

Я кричу девушке: достаточно ли она настрадалась?

Я кричу: Я не собираюсь стоять здесь и слушать ее объяснения.

Стоять здесь и пытаться исправить ее жизнь – пустая трата времени. Люди не хотят, чтобы их жизни исправляли. Никто не хочет решения своих проблем. Своих драм. Своих тревог. Не хотят начинать жизнь заново. Не хотят упорядочивать жизнь. Ведь что они получают взамен? Всего лишь огромную пугающую неизвестность.

Большинство людей, которые звонят мне, уже знают, чего они хотят. Некоторые хотят умереть, но просто ждут моего разрешения. Некоторые

хотят умереть и нуждаются в поддержке. В небольшом толчке. У некоторых людей, склонных к самоубийству, почти не осталось чувства юмора. Одно неверное слово, и через неделю от них останется лишь некролог.

Большинство звонящих людей я почти не слушаю. Жить им или умереть, я определяю по тону их голоса.

Разговор с девушкой из ночного клуба заходит в тупик, поэтому я говорю ей: Убей себя.

Она говорит: "Что?"

Убей себя.

Она говорит: "Что?"

Барбитураты и алкоголь, голову – в сухой мешок для мусора.

Она говорит: "Что?"

Невозможно хорошо обвалить в сухарях телячью отбивную котлету, пользуясь только одной рукой, поэтому я говорю ей: сейчас или никогда. Либо нажми на курок, либо не нажимай. Я с ней в этот момент. Она не умрет в одиночестве, но я не могу ждать всю ночь.

Она начинает рыдать так громко, что это становится похоже на звуки дискотеки. Поэтому я кладу трубку.

В то время, как я пытаюсь обвалить котлету в сухарях, эти люди хотят, чтобы я исправил всю их жизнь.

Телефонная трубка в одной руке, а другой я пытаюсь достать панировочные сухари. Нет ничего сложнее. Ты обмакиваешь котлету в сырое яйцо. Стряхиваешь. Обваливаешь в сухарях. Проблема в том, что мне не удастся сделать это правильно. Иногда котлета остается голой. А иногда слой сухарей такой толстый, что нельзя понять, что под ним.

Это было очень весело. Люди просто звонят тебе на грани самоубийства. Женщины звонят. А я здесь один со своей золотой рыбкой, один в грязной кухне, пытаюсь обвалить в сухарях свиную отбивную или что-нибудь еще. На мне семейные трусы, и я слушаю чьи-то мольбы. Даю советы и

наказываю.

Позвонил парень. Я только задремал, а тут его звонок. Эти звонки продолжаются всю ночь, если я не отключаю телефон. Какой-нибудь неудачник звонит среди ночи, когда бары уже закрыты, чтобы сказать, что он сидит, скрестив ноги, на полу своей квартиры. Он не может спать из-за этих ужасных кошмаров. В своих снах он видит, как падают самолеты, наполненные людьми. Все настолько реально, и никто не может ему помочь. Он не может спать. Ему неоткуда ждать помощи. Он говорит, что приставил к подбородку винтовку и хочет, чтобы я назвал хоть одну причину, по которой ему не следовало бы нажимать на курок.

Он не может жить. Он знает будущее, но не в состоянии спасти кого-либо.

Эти жертвы, они звонят. Эти хронические страдальцы. Они звонят. Они убивают мою собственную маленькую скуку. Это лучше, чем телевидение.

Я говорю ему: Давай же. Я только наполовину проснулся. Три часа ночи, а мне завтра на работу. Я говорю ему: торопись, пока я снова не заснул. Жми на курок.

Я говорю, что этот мир не настолько прекрасен, чтобы оставаться в нем и страдать. Зачем ему этот мир?

Большую часть времени я убираюсь в чужом доме. Полный рабочий день раб, по совметительству – бог.

Опыт подсказывает мне убирать трубку подальше от уха, когда я слышу маленький щелчок спускового механизма. Взрыв, всего лишь взрыв, и где-то там мой собеседник падает на пол. Я – последний человек, с кем он разговаривал, и я засыпаю еще до того, как утихает звон в ушах.

На следующей неделе надо найти некролог, 15 сантиметров газетной колонки о вещах, не имеющих значения. Некролог нужен, иначе ты не не будешь уверен, случилось ли это, или это был только сон.

Я не жду, что ты поймешь.

Это просто еще один вид развлечений. Когда ты имеешь такую власть – это кайф. Из некролога я узнал, что парня звали Тревор Холлис, и что

чувствовал он себя превосходно. Признавать это убийством или нет, зависит только от степени твоей религиозности. Я не могу сказать, что вмешательство в критические ситуации было моей собственной идеей.

Правда в том, что это ужасный мир, и я прекратил страдания того парня.

Идея появилась, когда в газете поместили объявление о настоящей горячей линии помощи в кризисных ситуациях. Номер телефона, напечатанный там, случайно оказался моим. Это была опечатка. Никто не обратил внимания на исправление, сделанное на следующий день, и люди просто начали звонить мне днем и ночью со своими проблемами.

Пожалуйста, не думай, что я намерен спасти их жизни. Быть или не быть – это не мое решение. И не думай, что с женщинами я говорю как-то по-другому. С ранимыми женщинами. С эмоциональными калекками.

Однажды я чуть было не устроился работать в McDonald's, и я пошел туда только для того, чтобы видеть молоденьких девушек. Негритянок, испанок, белых, китайок. В приглашении на работу было сказано о том, что в McDonald's работают люди различных рас и этнических групп. Это девушки, девушки, девушки. И еще в приглашении было сказано, что если у тебя одно из следующих заболеваний:

Гепатит А

Сальмонелла

Шигелла

Стафилококк

Гардия

или Кампилобактер, то тебе откажут в приеме на работу. Если ты встречаешь девушек на улице, у тебя нет гарантий, что у них нет таких заболеваний. Ты не можешь быть настолько внимательным. Хотя девушка может прийти устраиваться в McDonald's и сказать, что она чистая. И еще очень велик шанс, что она молодая. Очень молодая. Совсем юная. Юная и такая же глупая, как и я.

Восемнадцати-, девятнадцати-, двадцатилетние девушки; я хочу с ними только поговорить. Студентки колледжей. Старшеклассницы. Эмансипированные подростки.

То же самое и с суицидальными девушками, звонящими мне. Большинство из них так молоды. С мокрыми от дождя волосами, они звонят мне из телефонов-автоматов, чтобы просить о спасении. Целыми днями рыдают в одиночестве на кровати, а затем звонят мне. Мессия. Звонят мне. Спаситель. Они шмыгают носом, задыхаются, и рассказывают мне все, о чем я прошу, в самых мелких подробностях.

Иногда так приятно слушать их в темноте. Девушка мне доверяет. Телефонная трубка в одной руке, и я представляю, что другая моя рука – это она.

Я совсем не хочу жениться. Я восхищаюсь парнями, которые решаются сделать татуировку.

Как только газета стала печатать правильный номер, звонки начали иссякать. Толпы людей, которые звонили мне поначалу, либо уже были мертвы, либо положили на меня. Ни одного нового звонка. И в McDonald's меня не примут. Поэтому я изготовил пачку больших объявлений.

Выделяющихся объявлений. Их должно быть легко прочесть ночью, когда кто-нибудь плачет, выпив или обкурившись наркоты. У моих объявлений белый фон и черные буквы, гласящие:

Дай Себе, Своей Жизни, Еще Один Шанс. Позвони, И Мы Поможем. Далее – мой номер телефона.

Или вот такой текст:

Если Ты Молодая Сексуально Безответственная Девушка, Имеющая Проблемы с Алкоголем, Мы Поможем Тебе. Звони – и дальше мой номер телефона.

Последуй моему совету. Не пиши объявлений второго вида. Если ты напишешь их, к тебе придет кто-нибудь из полиции. Они могут вычислить тебя по телефонному номеру и внести в список потенциальных преступников. После этого перед каждым телефонным звонком ты будешь

слышать щелк ... щелк ... щелк ... звуки подслушивающего устройства.

Последуй моему совету.

Если ты расклеишь объявления первого вида, тебе будут звонить люди, желающие исповедаться в грехах, пожаловаться, спросить совета, найти поддержку.

У девушек, с которыми ты знакомишься, жизнь всегда хуже некуда. Гарем женщин, находящихся на грани, будут хватать свои телефоны и просить тебя перезвонить им. Пожалуйста. Перезвони. Пожалуйста.

Назови меня сексуальным хищником, но когда я думаю о хищниках, мне представляются львы, тигры, большие кошки, акулы. Это не очень-то похоже на отношения хищника и жертвы. Это не отношения падальщика, стервятника, или смеющейся гиены с трупом. Это не отношения паразита и носителя.

Мы ничтожны вместе.

Это противоположность "преступлений без жертвы". [note 1](#)

Главное – расклеить объявления возле телефонов-автоматов. В грязных телефонных будках возле больших мостов. Рядом с барами, где люди, которым некуда идти, засиживаются до закрытия.

И сразу начнутся звонки.

Тебе понадобится один из тех микрофонов, при использовании которых кажется, будто ты говоришь откуда-то издалека. Люди будут звонить тебе со своими проблемами и услышат, как ты спускаешь воду в туалете. Они услышат рев миксера и поймут, что они тебе пофигу.

В те дни мне были нужны беспроводные телефонные наушники с микрофоном. Что-то типа плеера Walkman, но говорящего о человеческих страданиях. Жить или умереть. Секс или смерть. Так можно освободить руки и решать чужие судьбы каждый час, когда люди звонят поговорить об их одном ужасном преступлении. Ты отпускаешь им грехи. Ты выносишь им приговор. Ты даешь парням, находящимся на грани, телефоны таких же девушек.

Будто в молитвах, ты слышишь жалобы и просьбы. Помоги мне. Услышь меня. Веди меня. Прости меня.

Телефон опять зазвонил. Тонкий покров из панировочных сухарей на телячьей котлете уже практически невозможно привести в порядок, а на линии новая рыдающая девушка. Я с ходу спрашиваю, доверяет ли она мне. Я спрашиваю, расскажет ли она мне все.

Моя золотая рыбка и я, мы оба плаваем рядом.

Котлета кажется выкопанной из кошачьего туалета.

Чтобы успокоить эту девушку, чтобы заставить ее слушать, я рассказываю ей историю о моей рыбке. Это рыбка номер шестьсот сорок один за всю мою жизнь. Родители купили мне первую рыбку, чтобы научить меня любить и заботиться о каком-то другом живом и дышащем создании Господа. Шестьсот сорок рыбок спустя я знаю лишь одно: все, что ты любишь, умрет. Когда ты в первый раз встречаешь кого-то особенного, ты можешь быть уверен, что однажды он умрет и окажется в земле.

45

В ночь перед тем, как я покинул дом, мой старший брат рассказал мне все о том, что он знал о внешнем мире.

Во внешнем мире, сказал он, женщины могут менять цвет своих волос. И глаз. И губ.

Мы стояли на заднем крыльце, в свете кухонного окна. Мой брат Адам срезал мои волосы так же, как он срезает пшеницу; сжимал в руке пучок волос и срезал их прямой бритвой примерно на середине. Он зажал мой подбородок между большим и указательным пальцами, чтобы я смотрел прямо на него. Его коричневые глаза быстро двигались взад-вперед между моими бакенбардами.

Чтобы убрать бакенбарды, он подрезал одну, затем вторую, затем снова первую, снова, и снова, до тех пор, пока от них ничего не осталось.

Мои семь младших братьев сидели по краям крыльца и смотрели в темноту, выискивая чертей, о которых рассказывал Адам.

Во внешнем мире, сказал он, люди держат птиц у себя дома. Он это видел.

Адам побывал за пределами церковного семейного округа всего лишь однажды, когда он и его жена должны были зарегистрировать свой брак у официальных властей.

Во внешнем мире, сказал он, в дома к людям приходят духи, которых они называют телевидение.

И еще духи разговаривают с людьми через то, что они называют радио.

Люди используют штуки, называемые телефонами, потому что они ненавидят быть вместе, но очень боятся оставаться одни.

Он продолжал срезать мои волосы, но не делал прическу, а как будто стриг

дерево. Вокруг нас, на ограждениях крыльца, скапливались волосы, похожие не на срезанные волосы, а на собранный урожай.

В церковном семейном округе мы относили мешки со срезанными волосами в сад, чтобы отпугивать оленей. Адам сказал мне, что безотходность жизни – один из даров Господа, который ты теряешь, покидая церковную колонию. А самый дорогой из даров Господа, который ты теряешь – это тишина.

Во внешнем мире, сказал он мне, нет настоящей тишины. Не фальшивой тишины, когда ты затыкаешь свои уши и не слышишь ничего, кроме сердца, а истинной, вселенской тишины.

В ту неделю, когда они поженились, он и Бидди Глисон уехали их церковного семейного округа на автобусе, сопровождаемые церковным старейшиной. На протяжении всей поездки внутри автобуса было шумно. На дороге ревели автомобили. Люди внешнего мира говорили что-то глупое с каждым своим дыханием, а когда они не говорили, пустоту заполняли радиоприемники с копированными голосами, исполняющими одни и те же песни снова и снова.

Адам сказал, что еще один дар Божий, который утрачивается во внешнем мире, – это темнота. Можешь закрыть глаза и залезть в чулан, но все равно темноты там не будет. В церковном семейном округе темнота по ночам всеобъемлющая. А среди нее, в вышине, – большие звезды. Можно увидеть на Луне неровность горных цепей, тонкие линии рек, гладь океанов.

В ночь, когда нет Луны или звезд, ты не видишь ничего, но можешь представить все что угодно.

По крайней мере, я так помню.

Моя мать на кухне гладила и укладывала вещи, которые мне было дозволено взять с собой. Мой отец был не знаю где. Я их больше никогда не видел.

Забавно, но люди всегда меня спрашивают, плакала ли мать. Плакал ли мой отец и обнимал ли он меня, перед тем как я уехал. И люди всегда бывают поражены, когда я говорю нет. Никто не плакал и не обнимался.

Никто не плакал и не обнимался, когда мы, к примеру, продавали свинью. Никто не плакал и не обнимался, перед тем как зарезать цыпленка или сорвать яблоко.

Никто не страдал бессонницей из-за размышлений, была ли пшеница, которую они выращивали, по-настоящему счастлива превратиться в хлеб.

Мой брат просто срезал мои волосы. Моя мать закончила гладить и принялась шить. Она была беременна. Я помню, что она всегда была беременна, мои сестры сидели вокруг нее, их юбки лежали на скамьях и на полу, и они все вместе шили.

Люди всегда спрашивают, был ли я напуган, или возбужден, или еще что-то.

Согласно доктрине церкви, только первенец, Адам, мог жениться и состариться в церковном округе. Все остальные по достижении семнадцати лет – я, мои семь братьев и пять сестер – должны были покинуть округ и работать. Мой отец живет здесь, потому что он был первенцем в своей семье. Моя мать живет здесь, потому что старейшины церкви выбрали ее для моего отца.

Люди всегда бывают разочарованы, если я им говорю правду о том, что никто из нас не жил в угнетении. Никто не возмущался церковными порядками. Мы просто жили. Никого из нас не подвергали психологическим пыткам.

Такова была глубина нашей веры. Можете назвать ее и глубокой, и мелкой. Не было ничего, что могло бы испугать нас. Люди, выросшие в церковном семейном округе, думали именно так. Что бы ни произошло в мире – на все воля Божья. Задача, которую нужно выполнить. А плач и веселье просто делали тебя бесполезным. Любая эмоция считалась нездоровой. Нетерпение или сожаление были особенно глупы. Роскошь.

Такова была наша вера. Ничто не известно. Можно ожидать чего угодно.

Внешний мир, сказал Адам, заключил сделку с дьяволом, который придает движение автомобилям и переносит самолеты по небу. Дьявол течет по электрическим проводам, чтобы сделать людей ленивыми. Люди кладут посуду в шкаф грязной, и шкаф моет ее. Вода в трубах уносит мусор и

дерьмо, перекладывая эту проблему на кого-то другого. Адам зажал мой подбородок между большим и указательным пальцами и наклонился, чтобы посмотреть мне прямо в лицо. Он рассказал о том, как во внешнем мире люди смотрят в зеркала.

Прямо напротив него, на автобусе, сказал он, висели зеркала, и все хотели посмотреть, как они выглядят. Позорище.

Я помню, что это была моя последняя стрижка за долгое-долгое время. Но я действительно не помню, почему моя голова была колючим соломенным полем, на котором остались лишь короткие волосинки.

Во внешнем мире, сказал Адам, все расчеты производятся внутри машин.

А пищу людям скормливают официантки.

В тот единственный раз, когда мой брат и его жена выезжали за пределы округа в сопровождении старейшины, они останавливались на одну ночь в гостинице в центре Робинсвилля, штат Небраска. Они так и не смогли заснуть. На следующий день автобус привез их домой, чтобы они оставались там до конца жизни.

Гостиница, сказал мне брат, это большой дом, где множество народу живут, едят и спят, но никто из них друг друга не знает. Он сказал, что таковы большинство семей во внешнем мире.

Церкви во внешнем мире, сказал он мне, были всего лишь небольшими магазинами, которые продавали людям ложь, изготовленную на далеких фабриках гигантских религий.

Он сказал намного больше, я всего не запомнил.

Та стрижка была сделана шестнадцать лет назад.

Мой отец произвел на свет Адама, меня и всех своих четырнадцать детей к тому возрасту, в котором я сейчас.

В ту ночь, когда я покинул дом, мне было семнадцать лет.

Сейчас я выгляжу так же, как выглядел мой отец, когда я его видел в

последний раз.

Смотреть на Адама – все равно что смотреть в зеркало. Он был старше меня всего лишь на три минуты и тридцать секунд, но в Правоверческом церковном округе нет такого понятия как близнецы.

В последнюю ночь, когда я видел Адама Брэнсона, я думал, что мой старший брат – очень добрый и очень мудрый человек.

Вот каким глупцом я был.

Часть моей работы – просмотреть меню сегодняшней вечеринки. Это значит проехать на автобусе из большого дома, где я работаю, в другой большой дом и спросить какого-то чудаковатого повара, чем он собирается сегодня всех кормить. Те, на кого я работаю, не любят сюрпризов, поэтому часть моей работы – сообщать хозяевам заранее, не предложат ли им вечером съесть что-то сложное вроде омаров или артишоков. Если в меню есть что-то угрожающее, я должен научить их, как это едят правильно.

Вот чем я зарабатываю на жизнь.

Когда я убираюсь в доме, мужчина и женщина, которые живут там, никогда не бывают рядом. Такая у них работа. Узнать что-то о них я могу лишь тогда, когда чищу вещи, которые им принадлежат. Когда подбираю что-то за ними. Разгребаю их маленькие беспорядки, день за днем. Перематываю их видеокассеты:

Все Услуги Анального Эскорта

Гигантские буфера Воительницы Леты. Приключения маленькой Золушки.

Ко времени, когда автобус доставляет меня сюда, люди, на которых я работаю, уезжают на работу в центр города. Ко времени, когда они приезжают домой, я возвращаюсь в центр в арендованную квартиру-студию, которая была крошечным гостиничным номером, пока кто-то не поставил туда плиту и холодильник, чтобы поднять арендную плату. Туалет все еще в коридоре.

Со своими работодателями я общаюсь исключительно по спикерфону. Это такая пластиковая коробочка, прикрученная к кухонному столу, которая кричит на меня, чтобы я работал лучше.

Иезекииль, Глава Девятнадцатая, Стих Седьмой:

"... и опустела земля и все селения ее от рыкания его ..." и так далее, так

далее, так далее. Ты не можешь держать у себя всю Библию в голове. У тебя не останется там места даже чтобы запомнить свое имя.

О доме, в котором я убираюсь последние шесть лет, можно только мечтать: просторный, в фешенебельной части города. Сравните это с тем, где я живу. Все квартиры-студии рядом с моей такие же, как и теплое туалетное сиденье. Кто-то был на нем за секунду до тебя, и кто-то появится там сразу, как только ты встанешь.

В той части города, куда я езжу на работу каждое утро, стены домов разрисованы. Перед входной дверью множество комнат, куда никто никогда не заходит. Кухни, в которых никто не готовит. Ванные, которые никогда не бывают грязными. Чтобы проверить меня, хозяева оставляют там деньги – возьму ли я. Это всегда не меньше пятидесяти долларов, как будто случайно упавших за комод. Одежда, которой они владеют, кажется созданной настоящими творцами.

Рядом со спикерфоном – толстый ежедневник, который они нагружают массой заданий для меня. Они хотят, чтобы моя жизнь была расписана на десять лет вперед, задание за заданием. По их воле, все в твоей жизни превращается в пункт ежедневника. Что-то, что нужно выполнить. И ты замечаешь, что твоя жизнь становится размеренной.

Кратчайшее расстояние между двумя точками – это временная линия, график, карта твоего времени, маршрут на всю оставшуюся жизнь.

Ничто не указывает тебе прямую дорогу от нынешнего момента до смерти лучше, чем список.

"Я должен иметь возможность посмотреть в ежедневник, – кричит на меня спикерфон, – и в точности узнать, где ты будешь ровно через пять лет. И я хочу, чтобы ты был точен".

Но если заглянуть в будущее, ты в любом случае будешь разочарован. Как мало ты сделал по сравнению с тем, чего ждал от жизни. Краткое содержание твоего будущего.

Суббота, два часа пополудни, согласно ежедневнику, я должен сварить пять омаров, чтобы хозяева попрактиковались в их поедании. Вот сколько денег они получают.

Я могу себе позволить есть телятину только если я украду ее и привезу в автобусе на коленях домой.

Секрет варки омаров прост. Сначала заполняешь кастрюлю холодной водой и кладешь щепотку соли. Можешь использовать в равных долях воду и вермут или водку. Можешь добавить немного морских водорослей для лучшего вкуса. Таковы основы, которым обучают в курсе домоводства.

Большинство других вещей я узнаю из беспорядка, который оставляют после себя эти люди.

Просто спроси у меня, как удалить пятна крови с мехового пальто.

Нет, правда, давай.

Спрашивай.

Секрет – кукурузная мука, которой нужно почистить мех против шерсти. Только держи язык за зубами.

Чтобы удалить кровь с клавиш пианино, почисти их порошком талька или сухим молоком.

Это не самое важное умение, но чтобы удалить пятна крови с обоев, смешай кукурузный крахмал с холодной водой. Точно так же кровь удаляется с матрасов и кушеток. Фокус в том, чтобы забыть, как быстро подобные вещи могут случаться. Самоубийства. Несчастные случаи. Преступления в состоянии аффекта.

Только сконцентрируйся на пятне, и от него не останется даже воспоминания. Практикуйся, и у тебя отлично получится. Если это можно так назвать.

Не обращай внимания на ощущение, что единственный твой настоящий талант – это сокрытие правды. У тебя есть Богом данная ловкость на совершение ужасного греха. Ты об этом просил. Ты имеешь естественное право не соглашаться. Счастливый дар.

Если это можно так назвать.

Даже после шестнадцати лет убирания в чужих домах я хочу думать, что мир становится все лучше и лучше, однако в действительности я знаю, что это не так. Хочется, чтобы что-то улучшалось в людях, но этого не происходит. Хочется думать, что есть что-то, что и ты можешь внести в процесс улучшения.

Уборка в одном и том же доме каждый день приводит к улучшению только моих способностей отрицать ложь.

Не дай Бог я когда-нибудь встречу с тем, на кого я работаю.

Только не подумай, что мне не нравятся мои работодатели. Социальная работница предлагала мне кучу гораздо худших вакансий. Я не испытываю к ним отвращения. Я не люблю их, но и не испытываю отвращения. Я работал на типов и похуже.

Просто спроси у меня, как удалить пятна мочи со шторы или со скатерти.

Спроси, как быстро скрыть пулевые отверстия в стене гостиной. Ответ: зубная паста. Для отверстий большего калибра добавь к пасте в равных долях крахмал и соль.

Называй меня голосом опыта.

Вот на этих пяти омарах они должны научиться хитроумным приемам по вскрытию спинки. Точнее, щитков. Внутри должны быть мозг или сердце, которые и являются вашей целью. Весь фокус в том, чтобы положить омаров в воду и поставить на огонь. На медленный огонь. Пусть вода достигает ста градусов в течение как минимум тридцати минут. Предполагается, что так омары должны умереть без боли.

Ежедневник говорит мне не расслабляться, полировать медь наилучшим образом, при помощи половинки лимона, окунутой в соль.

Эти омары, на которых мы должны практиковаться, называются Гигантами, потому что каждый из них весит около килограмма. Омары, которые меньше 300 граммов, называются Цыплятами. Омары без одной клешни называются отходами. Те экземпляры, которые я достаю из холодильника, завернуты во влажные морские водоросли. Они должны будут вариться около получаса. Вот чему еще учат в курсе домоводства.

Одна из двух больших передних клешней, самая большая клешня, с рядом чего-то похожего на коренные зубы, называется Давящей. Меньшая клешня, с рядом резцов, называется Режущей. Меньшие боковые ноги называются Ходильными Ногами. Под хвостом пять рядов маленьких лапок, называемых Плавничками. Еще из курса домоводства. Если передний ряд плавничков мягкий и пушистый, омар женского пола. Если передний ряд твердый и грубый, омар мужского пола.

Если омар женского пола, обрати внимание на костистую пустоту в форме сердца между двумя задними ходильными ногами. Это то место, где самка хранит живую сперму, если за последние два года у нее был секс.

Спикерфон звонит в тот самый момент, когда я ставлю омаров – трех самцов и двух самок без спермы – в кастрюле на плиту.

Спикерфон звонит, пока я включаю плиту.

Спикерфон звонит, пока я мою руки.

Спикерфон звонит, пока я готовлю себе чашечку кофе и добавляю туда сливки и сахар.

Спикерфон звонит, пока я беру горсть водорослей из упаковки и бросаю их поверх омаров в кастрюлю. Один омар поднимает клешню из последних сил. Давящие клешни, режущие клешни, – все они скреплены резиной.

Спикерфон звонит, пока я снова мою и сушу руки.

Спикерфон звонит, и я отвечаю.

Дом Гастонов, говорю я.

"Резиденция Гастонов!" – кричит на меня спикерфон. **"Скажи это: Резиденция Гастонов! Скажи так, как мы тебя учили!"**

В курсе домоводства нас учили, что дом следует называть **резиденцией** только на эстампах и гравюрах. Мы сталкивались с этим миллион раз.

Я выпиваю чашечку кофе и поигрываю с ручкой, регулирующей силу огня под омарами. Спикерфон продолжает орать: **"Есть там кто? Аллё! У нас**

что, связь оборвалась?"

Семейная пара, на которую я работаю, на одной вечеринке оказалась единственной, кто не знал, как пользоваться чашей для ополаскивания пальцев. С тех пор они увлеклись изучением этикета. Они все еще говорят, что это бессмысленно, бесполезно, но хотят знать все до мельчайших подробностей.

Спикерфон продолжает орать: "Ответь мне! Черт! Расскажи о сегодняшней вечеринке! С каким чудом кулинарии нам придется сражаться? Мы целый день нервничаем!"

Я ищу в шкафу над плитой приспособления для поедания омаров: щипцы, заостренные палочки, фартук.

Благодаря моим урокам, эти люди знают все приемлемые способы размещения столового серебра. Это я научил их пить чай со льдом, оставляя ложку в стакане. Это сложно, но вы должны держать ложку между средним и указательным пальцами, прижав ее к стенке стакана напротив своего рта. Будьте осторожны, не попадите в глаз. Мало кто знает этот способ. [note 2](#) Обычно люди вынимают мокрую ложку и ищут, куда бы ее положить так, чтобы не испачкать скатерть. Или просто кладут ее куда-нибудь и оставляют чайное пятно.

Как только спикерфон замолкает, тогда и только тогда я начинаю говорить.

Я спрашиваю у спикерфона: Вы слушаете?

Я говорю спикерфону: Представьте себе тарелку.

Сегодня, говорю я, в час подадут суфле со шпинатом. В четыре часа – блюда из свеклы. Мясное блюдо с миндальной крошкой собираются подавать на вторую половину тарелки в девять часов. Чтобы съесть его, гостям придется использовать нож. И еще в мясе будут кости.

Это лучшее место работы, которое у меня когда-либо было – никаких детей, никаких кошек, никаких воцеленных полов – поэтому я не хочу потерять его. Если бы мне было все равно, я бы давал человеку, на которого работаю, самые идиотские рекомендации, которые только смог бы придумать. Например: Шербет необходимо слизывать языком из тарелки,

подобно собаке.

Или: Возьмите отбивную из ягненка в зубы и энергично трясите головой из стороны в сторону.

И что самое ужасное, они наверняка так и сделают. Я никогда не давал им неправильных советов, поэтому они мне доверяют.

За исключением обучения их этикету, самая сложная задача для меня – подстраиваться под их ожидания.

Спроси меня, как заделать дыры, проколотые в длинных ночных рубашках, смокингах и шляпах. Мой секрет: немножко прозрачного лака для ногтей внутри прокола.

Никто не научит тебя всем навыкам, которые потребуются в домоводстве, но через какое-то время ты сам научишься. В церковном округе, где я вырос, нас учили делать свечи, которые не капают: для этого их надо поместить в сильно соленую воду и поставить в холодильник до готовности. Вот такие там были советы. Зажигать свечи надо было при помощи не сваренной палочки спагетти. Шестнадцать лет я убирался в домах у людей, и никто никогда не просил меня зажигать свечи при помощи спагетти.

Не важно, чему нас учили в курсе домоводства. Все это не особенно-то нужно во внешнем мире.

Например, никто тебя не научит тому, что зеленый увлажняющий крем поможет скрыть красноту кожи. А каждый джентельмен, который хоть раз шел под руку с дамой, имеющей бриллиантовое кольцо, должен знать, что кровоостанавливающий карандаш остановит кровь. Намажьте глубокую рану Супер Клеем, и можете идти на премьеру фильма, улыбаться, фотографироваться, у вас не будет швов или шрама.

Всегда держи поблизости красную тряпку, чтобы вытирать кровь, и тебе никогда не придется замачивать одежду с пятнами.

Ежедневник говорит, что в данный момент я затачиваю нож для мяса.

Да, и насчет сегодняшнего обеда. Я продолжаю инструктировать своего

работодателя по поводу того, что ему предстоит.

Очень важно не паниковать. Да, им придется иметь дело с омаром.

Солонка будет только одна. Сюрприз будет подан после жаркого. В качестве сюрприза собираются подать сквоба. [note 3](#) Это такая птица. Если и есть что-то более сложное в поедании, чем омар, так это сквоб. Все эти маленькие косточки, которые нужно вынимать. Причем одежда для этого препарирования должна быть соответствующая. Другое вино после апперитива: шерри к супу, белое вино к омару, красное к жаркому, другое красное – к тяжкому сальному испытанию, называемому сквоб. К тому времени стол будет покрыт пятнами – архипелагами маленьких островков из приправ, соусов и вина, пролитого на белую скатерть.

Так проходит мой рабочий день. Даже на этом хорошем месте работы никто не хочет знать, где должен сидеть почетный гость-мужчина.

Тот изящный обед, о котором рассказывали учителя в курсе домоводства, свежие цветы и чашечка кофе после великолепного дня размеренной и элегантной жизни – что ж, всем это совершенно пофигу.

Сегодня, в какой-то момент между супом и жарким, все, кто сидит за столом, должны будут калечить больших мертвых омаров. Тридцать четыре капитана индустрии, тридцать четыре удачливых монстра, тридцать четыре прославленных дикаря в черных галстуках будут притворяться, что они знают, как надо есть.

А после омаров лакеи принесут горячие чаши для ополаскивания пальцев с плавающими в них лимонными дольками, и эти тридцать четыре прыщавых вскрытых трупа завершат трапезу тем, что измажут рукава до локтей, и каждая улыбающаяся сальная физиономия будет высасывать мясо из какой-нибудь впадины в грудной клетке.

После семнадцати лет каждодневной работы в частных домах больше всего я осведомлен о набитых рожах, кукурузе под белым соусом, черных глазах, вывернутых плечах, разбитых яйцах, ударах по голени, поцарапанных роговых оболочках, шинкованном луке, укусах всех видов, пятнах от никотина, сексуальных смазках, выбитых зубах, растрескавшихся губах, взбитых сливках, вывихнутых руках, разрывах влагалища, ветчине со специями, сигаретных ожогах, разбитых ананасах, грыжах, прерванных

беременностях, пятнах, оставляемых животными, разрезанных кокосовых орехах, выбитых глазах, растяжениях и этикетках на эластичной одежде.

Дамы, у которых ты работаешь, проплакав несколько часов, используют синий или сиреневый карандаш, чтобы сделать свой кроваво-красный взгляд блее. В другой раз кто-то выбьет зуб изо рта ее мужа; сохрани этот зуб в стакане молока до тех пор, пока хозяин не сходит к зубному. Кроме того, смешай оксид цинка с гвоздичным маслом до состояния белой пасты. Промой образовавшуюся дырку и залепи ее пастой, которая очень быстро затвердеет.

Для устранения следов слёз на подушке действуй так же, как и со следами пота. Раствори пять таблеток аспирина в воде и три пятно, пока оно не сойдет. Даже если там следы туши, проблема будет решена.

Если это можно назвать решением.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)